

Тумас Мисакян, адвокат Сергея Резника, о трёх критических замечаниях своего подзащитного в адрес должностных лиц.

Тумас Мисакян, адвокат Сергея Резника :

«Резник опубликовал три критических замечания в отношении различных должностных лиц: рядового оперуполномоченного Глинкина, которого он назвал «педофилом», главы центра «Э» по Ростовской области Ищенко («ссыкливый пёс») и заместителя генерального прокурора Ростовской области, а по совместительству племянника заместителя генпрокурора России Климова («аферист», «тракторист», «бес»). В ходе разбирательства суд признал отдельные слова Резника оскорбительными, осудив его по статье 319. Вторая часть – статья 306, «ложный донос». Это обвинение строится на том, что Резник ещё при рассмотрении своего первого уголовного дела написал ходатайство об исключении показаний Глинкина, бывшего одним из основных свидетелей. И в нём также написал, что тот имел сексуальную связь с несовершеннолетней. Это ходатайство обвинение, а затем и суд посчитали ложным доносом.

В том, что касается обвинения по статье 306, основная позиция защиты заключается в том, что обвинение противоречиво. По такому обвинению человек не может быть осуждён в принципе, потому что в случае наличия внутренних противоречий человек просто не знает, в чём именно его обвиняют. Кроме того, само ходатайство является, по сути, защитой от предъявленного обвинения, а согласно практике Верховного суда, даже если имеются все признаки ложного доноса, но он был сделан в рамках защиты, то это не может стать основанием для уголовной ответственности. Наконец, в его действиях отсутствуют признаки злого умысла, что является необходимым признаком.

Что касается оскорблений органов власти, то нашим основным доводом является то, что ни в одной из публикаций нет слов и выражений в неприличной форме, что подтверждает лингвистическая экспертиза. А это является обязательным формальным признаком, без наличия которого обвинение рассыпается. Кроме того, отказ ему в возможности писать о представителях органов власти является нарушением его права на выражение мнения.

Если смотреть на применение 319 статьи, то проблема возникает из-за того, что суд придал определяющее значение не форме, а субъективному восприятию слов потерпевшего. А это совершенно безразмерная категория. Сегодня кто-то оскорбился на «тракториста», а завтра он обидется на «слесаря» или «сантехника». Таким образом полностью теряется вся предсказуемость правоприменения».

<http://www.ej.ru/?a=note&id=26937#>